

По воле ветра...

**Доланта
Сержантова**

6+

Иоланта Ариковна Сержантова

По воле ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57395017

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-00140-571-9

Аннотация

Сборник рассказов, притч, новелл и эссе о природе, как об истоках человеческих поступков. Это 17-ая книга автора. Рекомендуется для внеклассного чтения на уроках русского языка, литературы и для освоения школьного курса по предмету "Этика" и "Окружающий мир".

Содержание

Бабочки и жуки	4
Цирк...	6
На живца	8
Бывает ли...	12
Когда спадает жара	14
Загадка	19
Сердце	24
Красивая пара	27
День	30
Ненависть	32
Мимолётное	35
II	37
<i>Setonia aurata</i>	38
По воле ветра...	42
Ослиное ухо	44
...Одним днём	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Бабочки и жуки

Яркий бесцветный день. На пруду не успевают менять простыни. Стопка тонкого постельного убывает на глазах, дно всё ближе. Рыбам жарко, а кувшинкам, – тем тесно. Не удерживая в тонких руках стеблей тяжёлых подносов листьев, роняют их. Разбивая о берег, бросают тут же, небрежны, небережливы. Хорошо хоть литые на вид шары бутонов нетяжелы и надёжны. Стоят ровно, по пояс или по грудь мокры. Покуда пясть цветка сжата в кулак почки, легка их ноша, по силам, стеблям подстать.

Бабочки, распустив лепестки крыл, с разбега мокаются¹ в воду. Им так много надо успеть испытать, и, если не завершить что, то начать хотя бы, узнать в том себя. Сделать по глотку из каждой чашечки цветка со скатерти ближайшей поляны, иль пригубить. Потрепать за усы всех жуков, а шмелей – шаловливо, по брюшку. И кокетом, кокеткой со всякою птицей, да так, чтобы живу остаться. А зачем, коль недолго? Так – дарёное всё ж, нечужое...

Рядом, усугубляя лихостью свой полёт, – шершни, более чем бесцеремонны, норовят сбить. Да не со зла, вроде, но по-

¹ мокаться, макаться. – Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935

другому не сумеют никак. Выгрызают с наскока горсти воды, и, роняя капли с перкали туго натянутых крыл, кидаются прочь стремглав. Случается, не рассчитав сил, переворачиваются навзничь и, в тщетных попытках взлететь, волнуют равнодушную липкую гладь, что не слишком сговорчива, и так часто жестока. Подчас, иногда, временами, – всё одно, нам ли то изменить.

Сманив посулом скорой безраздельной неги и прохлады, вода не пускает от себя и после. В крайней мере – смахнёт небрежно тыльной стороной волны, внимая мольбам или страху, но даст ли выбраться, позволит успеть? То неясно.

Признайтесь, коли вынесет прибоем к ногам бабочку или жука, – кого будет жальче? Так отчего ж мы так милы с первыми и жестоки ко вторым? По нашей ли прихоти они таковы? А вдруг для кого-то жуки и мы ...

Цирк...

Ласточки в своих иссиня-чёрных трико, как цирковые гимнасты. Под куполом неба на арене пруда выполняют кульбиты, которыми никого не удивишь. Ремесло и умение в нём, тут – единая возможность выжить, не сорваться, разменявшись на пятаки манежа.

Раскачав себя на струнах подвесной, выпускают её из виду и... «Четыре сальто-мортале...», аплодисменты, да после, – большая усталость, но с улыбкой куража в пол-лица и кусочком солнца в груди, – за барьер манежа. Даже он – препятствие, над ним тоже надо-таки взять верх. Но как это, чтобы без радости?! Так не бывает. Преодоление – счастье, даже если для кого-то это и не так.

Ласточки состригают локоны воздуха над водой, а дрозды – силовые жонглёры, расступаясь неуклюже и грузно, мнут крылья, гнут шеи в повороте, ожидая своего выхода. Чуть поодаль, под букетом шиповника, в грим-уборной, щеглы и синицы, в пёстрых нарядах ковёрных. Кто бы знал, хохоча им вослед, как тяжело даётся последняя улыбка.

– Парад – алле! – и сквозь свёрнутую воронкой ладонь, из-под купола вьётся полупрозрачным дымком паутинка лонжи, что не толще паутины лжи. Никогда не знаешь, – подведёт или нет, ведь даже то, что зависит от тебя, от тебя не

зависит.

Не соблюдая очереди, снуют воробьи-униформисты, выхватывают из-под крыльев препятствия и опору. И ничего не остаётся, как ловить кураж, без которого не пройти не то, что по проволоке, но по жизни даже. А так хочется слышать упругий, гибкий голос шпреха, что снова и снова призывает тебя в манеж.

Шмель бурчит подле поддельного цветного ворса цветка. Его старания тщетны, напрасны. Так может оказаться напрасной жизнь, если пропустить свой выход, зайти не туда.

Ласточки, дрозды, шмели... как бы не так. Сложнее всё, проще. Безутешнее последнего «Прости...»

На живца

В детстве я был весьма любознателен, и умудрялся задавать бабушке по сто вопросов на дню. Чем бы они не была занята, – стиркой в широком голубом тазу или чтением, она каждый раз прерывалась, и, глядя мне в глаза, отвечала понятно и подробно. Деду же удавалось избегать и моих «почему?», и своих ответов на них.

Как-то раз он принёс во двор дикую утку-крякву. Она была меньше наших домашних, и не такая белоснежная и статная, как они, а неприглядная, блёклая, как бы кто нарисовал её, а потом начал стирать, да не доделал того. К утиным дед прикасался лишь по осени, когда их надо было рубить, а с этой замарашкой возился по целым дням. Дед посадил утку отдельно от прочих, и каждый день гулял с нею на пруд. Со мной он никуда не ходил, и потому я так обиделся, что не выдержал и спросил однажды:

– Дед! Зачем нам дикая утка, своих мало?

Он прищурился на меня, как бы решая, стоит отвечать или нет, и произнёс:

– Она не дикая, это редкая птица, есть такая порода, называется – подсадная утка. Семёновские да Тульские, говорят, самые лучшие, но я взял нашу, Воронежскую.

Не слишком рассчитывая получить ответ, я всё-таки задал

ещё один вопрос:

– А куда её сажают, на яйца?

Дед было усмехнулся, но решил не баловать внука чрезмерным расположением, а торопясь, явно желая отвязаться от меня, растолковал, что к чему. Оказалось, что такая утка не только приучается не бояться выстрелов и убитых селезней, но также умеет приманивать особым криком пролетающих уток и осаживать их на воду.

– Урону от такой охоты немного, на посадную чаще селезни идут. – Добавил дед и замолчал.

Неизвестно, что поразило меня больше, – то, что дед так вот, запросто, говорил со мной или то, что я узнал о птице. Я никак не мог ожидать, что утка, которую любил только томлёной в печи, начинённую яблоками из сада, может что-то, кроме как пытаться ущипнуть меня за ногу, когда я иду мимо. С недоверием поглядывая на босые, как бы озябшие лапы посадной утки, я вдруг вспомнил, что собирался охолонуться, и пошёл купаться.

Ласточки и трясогузки, заметив, что я направляюсь к пруду, принялись дружно потирать крыльями, и, в предвкушении лёгкой поживы, дразнили друг друга острыми язычками. Потомки динозавров не собирались меня съесть. Всё было намного проще, они намеревались использовать бледное усталое человеческое тело в качестве приманки.

Едва я подошёл к берегу, шершни принялись не в очередь пикировать со всех сторон на спину, а слепни воровато подбирались ближе к глазам. Они не дали мне полюбоваться цаплей, что неподалёку привередливо выбирала себе жертву среди замерших от ужаса, распластанных на листьях лилий лягушек. Не успел я погладить короткую шерсть камыша, и порадоваться сияющей на мелководье стайке мальков. Из-за назойливого приставания насекомых, мне пришлось почти что на бегу скинуть с себя одежду.

Пытаясь избежать укусов, я не просто бросился в пруд, но нырнул, против обыкновения, с головой. Когда, несмело приоткрыв под водой глаза, так, чтобы под ресницами осталось немного воздуха, я огляделся, то ничего не смог разоб-
раться. Со всех сторон меня окружал зелёный травяной цвет, будто смытая с грязной кисточки акварель. Но опустив голову по направлению ко дну, мне привиделось, как снизу, тёмно-серой тенью, приближаясь всё ближе и ближе, надвигается нечто. В панике выпрыгнув из воды аж по грудь, вместе с немалым количеством воздуха, который выходил из меня, как из прохудившегося мяча, я поспешил к берегу, где меня уже ждали, – разномастный рой насекомых и выкупавшиеся, мокрые до самых подмышек птицы.

Я не рискнул выйти сразу, и, пока не замёрз, стоял на мелком месте, поджав ноги, удерживаясь по шею в воде. Птицы, следуя известному только им порядку, бросались наперерез

каждому, кто покушался попробовать меня на вкус. Временами, войдя в раж, одна из них небожно задевала меня крылом по макушке, что было в определённой мере приятно, если бы вода оказалась хотя чуточку теплее.

Когда я, не попадая зубом на зуб, втискивал, наконец, мокрое тело в рубашку и штаны, птицы, несмотря на то, что уже были сыты, всё так же кружили подле, мешаясь шершням. Я был благодарен им, но крепко запомнил, что на живца ловят не только люди.

Хорошо это или плохо? Наверное – ни то и не другое, это жизнь.

– А по-другому, никак?.. – хотелось спросить мне.

Я был любопытным ребёнком.

Бывает ли...

Поверхность пруда вся в заплатках листьев кувшинки. Они ещё новые, нестиранные, плохо гнутся на коленках. И где ж успела разодраться-то? Кажется, только-только сбросила с плеч плотную накидку льда и щеголяла в новеньком шёлковом шифоне чайного цвета, а вот уже – карманы набиты какой-то чепухой.

Из одного видны мокрые птичьи перья, вишнёвые косточки с жёсткими хвостиками черенков, из другого выглядывает по пояс кареглазая лягушка в веснушках по всю спину, там же – чайная пара и молочный кувшинчик водяной лилии на мясистом стебле. В нагрудном кармане сыто плещется совершенно белая, как подтаявший снег, рыба. Она и вправду делает это, – рукоплещет! То размеренно, а то встанет на месте, призадумается, да как взмахнёт вдруг хвостом, будто ладошкой, – ладно, мол, ну его, пустяки всё это! А что то за безделица была, того нам и не узнать.

Там же, в нагрудном кармане, – фонарик заката и вата облаков, на всякий случай. Зачем она-то нужна, странно тоже, ибо – во всякую пору мокра.

И вот, кажется, совсем уж всего довольно, но, не в состоянии побороть соблазна, в кармане оказывается и улитка с мармеладной ступней, и брошка паука – финифть брюшка

со сканью ажурных ног.

Поверхность пруда, как бы не казалось она поверхностной, прячет подо всей этой мишурой глубину, которую не познать так просто, стоя на берегу, не замочив ног.

- А бывает ли мелок пруд?
- А бывает ли мелок человек?

Когда спадает жара

Когда спадает жара и бледное утомлённое небо со свежей царапиной летящего самолёта на щеке глядит в мерцающую точку вечерней звезды, мы сидим на веранде, спрятав босые ноги под круглый двухэтажный бабушкин стол, достаём календарь, что лежит там, страшно сказать, почти с середины прошлого века, листаем его и чудачимся, поздравляя друг друга с причитающимися дню праздниками. лягушки, что живут в пруду неподалёку, замолкают на это время. Создаётся впечатление, что мы, сами того не подозревая, устраиваем представления, которые скрашивают их будни.

– Ага! Переворачиваем страничку, что тут у нас?.. 12 апреля!

– Да здравствует День космонавтики!

– Сегодня ещё и День рождения Александра Островского! Величайшего драматурга! И он мне, между прочим, очень нравится! Ура!

– Каждому своё. Драматургов много, а полёт в космос был первый!

– Ты уверен, что первый?! Почему лавры достаются только одному человеку-дню? Никто не утирает слёзы по погибшим собакам, крысам и обезьянкам... Никто не славит испытателей, которые калечились здесь, на земле...

– Мы о полёте в космос человека или крысы? Полёт крысы и обезьяны – это другой праздник.

– А... Ну, так, когда голова заболит, вспомни, что, если б не они, пришлось бы тебе прикладывать к голове коровий помёт или холодный капустный лист.

Мы замолкаем, и лягушки, чтобы разрядить неловкость, вновь принимаются квакать. У них антракт. Они негромко и недолго судачат, обмениваясь мнением о нас. И, едва они успокаиваются, мы продолжаем:

– Знаешь, меня иногда занимает вопрос, вот если бы люди делали, что хотели, не опасаясь порицания ни в этой жизни, ни в другой, как бы они себя вели?

– О... Я подозреваю, ты б удивилась.

– Нет, ну, смотри, когда человек свободен, у него пропадают опасения быть смешным, неинтересным, он живёт, не стараясь никому угодить. Прекращая создавать впечатление о себе, на которое тратятся годы, принимает себя таким, каков он есть, истинным, без прикрас и пыли лицемерия. Он честен с собой и окружающими...

– Я вижу ты испортила не один день, чтобы думать про это.

– А что не так? Ведь сколько людей живут навязанной им жизнью!

– Надеюсь, ты не о себе?

Когда он задал этот вопрос, то, в надежде расслышать ответ, лягушки замерли и даже потянулись в нашу сторону со своих плоских широких откидных мест, а он посмотрел на меня внимательно и даже слегка испуганно, так по-детски.

– Надеюсь, что нет. – Честно ответила я.

Он выдохнул, и под одобрительное журчание лягушек проговорил:

– Я расскажу тебе одну крошечную историю, если ты не против.

– Давай! – охотно согласилась я, и принялась слушать.

– В некоей деревушке на берегу тёплого моря есть церковь. Я давно там не был, но, думаю, что она стоит там и теперь. Так вот, эта церковь никогда не запирается. Любой может зайти и уединиться там с Богом. У входа справа – ящичек из сандалового дерева, с несколькими отделениями для свечей и одно для монет. Они лежат там горстью. Люди приходят, меняют деньги на свечи и в жертвенном их пламени возносят молитвы, чтобы быть понятыми, услышанными, прощёнными.

Довольно долго, при каждом удобном случае я заезжал туда, примерно в одно и то же время, и заметил женщину. У неё было довольно неприятное, очень недовольное и потому запоминающееся лицо. Если бы не это выражение, то её можно было бы назвать красавицей. Со стороны казалось, она брезгует самой жизни, но нечто принуждает её к ней. Я стыдился того, что заметил. В тех обстоятельствах, где я ви-

дел её, это было более, чем неуместно. И каждый раз каялся в своём неприятии, пока не заметил, что, выбирая из ящичка самую большую, дорогую свечу, она кладёт взамен неразменную, мелкую монетку.

Женщину привозили к церкви на машине, так что я не думаю, будто она делала это из невозможности расплатиться. К тому же, размер свечи не имеет значения...

Свечи стоят денег, искренность не имеет цены.

Потрясённая услышанным, я молчала. Лягушки, не понимая, окончен ли вечер, ожидали ясности, и не спешили ставить густой воздух сумерек на огонь, по-крайней мере, бульканья слышно не было. И, даже дождавшись финала, не решились сразу возобновить банальную, простительную для честной жизни, возню.

– Нас воодушевляют чужие горести. И мы спешим скорее делать то, что откладывали на извечное, не имеющее сроков, «потом». Мы завидуем соседским радостям, ибо у нас – только свои, привычные и незаметные от того давно. Но, случайно замеченная ложь, заставляет нас говорить правду, даже если нет в том нужды.

Порыв ветра сдунул чёлку леса с помрачневшего чела неба.

Комары, стараясь наверстать вынужденное в жару безде-

ль, принялись ставить пропущенные днём уколы. Нам пора было идти в дом.

Загадка

Тихо ступая, рассвет возжёт холодную лампаду кубышки, а затем подсветил изнутри вишнёвые косточки поспевших уже ягод, по одной. Рубиновая мякоть так трогательно теплится наивными огоньками, что птицы, между желанием насладиться лакомством и приятным видом, выбирают последнее. Полуденный жар непременно сморщит нежную кожу пухлых вишнёвых щёк, и тогда уж не так обидно будет... съесть их.

– Подлей воды в бочку – просит вдруг дед.

Я тут же подхватываю ведро и вприпрыжку бегу к колодцу. Я даже напеваю из-за того, что он обратился ко мне сам, а не через бабушку, которая, передавая поручения деда, всегда глядит поверх моей головы. То ли от жалости или смущения, то ли ещё от чего.

Над колодцем совсем недавно поставили навес, приладили ворот, и я теперь тоже могу носить воду. А вот с прежним, с журавлём, длиннущей палкой, на конец которой цепляли ведро, справиться не удавалось никак. Дед говорил, что у меня «руки короткие». Эти слова очень обижали меня, и я уходил на огород, где пытался отмерить величину рук веткой

крапивы, сравнивая по-отдельности: запястья, ладони, плечи. От того кожа покрывалась мелкими пузырьками, которые я расчёсывал во сне, а озабоченная моей вознёй бабушка, перетряхивала постель поутру, выбивая её с особенным тщанием, отыскивая причину, которая заставляла её любимого внука ворочаться.

Подбежав к колодцу, я ухватился за горячую ручку, отполированную вращением десятков натруженных ладоней, и стал медленно крутить. Конечно, я знал, что, легонько толкнув барабан на себя, можно лихо стукнуть ведром о воду, но делать этого не стал. Мне было приятно ощущать невесомую тяжесть ведра, чувствовать его волнение перед встречей с густым ледяным дном воды, которая кашляла от собственной сырости где-то там, внизу.

Ведро, вежливо склонившись, наполнилось, и, ухватившись за ворот обеими руками, я принялся выкручивать его наверх. Слепни и оводы, пользуясь удобным случаем, нещадно грызли лицо и пробирались под воротник, но отнять рук, чтобы отогнать их, я никак не мог. Едва край ведра сравнялся с верхним бревном сруба, я потянулся, чтобы перехватить ручку и вскрикнул, ибо разглядел, что на самом верху, раскинув в стороны все четыре лапы, тряпочкой лежит лягушка.

От неожиданности я выпустил ведро, и оно рухнуло, сильно ударившись боком о бетон воды. Рукоять барабана, провисев в миллиметре от моего виска, содрала со щеки при-

личную полоску кожи, да завертелась неотвратимо, стараясь догнать и наподдать всему, что полезло «поперёк батьки в пекло».

Мне некогда было разглядеть, жива ли лягушка или нет, и теперь, сокрушаясь о своём малодушии, понимал, что, если даже не убил её падением, то, всё равно... Вода недостаточно холодна для лягушки, чтобы заснуть, комарам же и мошкам, – напротив, поэтому она непременно погибнет от голода, долго не протянет, и вода окажется испорченной надолго. Чтобы достать лягушку, я решил вычерпать колодец.

Наш родник, что питал его, был немолод и нетороплив, вода набиралась нескоро, степенно, особенно это было заметно, когда все соседи разом принимались поливать огороды. Так что, я надеялся успеть до темноты.

Сперва бегал от колодца к бочонку, а, когда наполнил его, натаскал и в баню, и в кадучку для полива. Бабушка, с жалостью глядела на моё обгоревшее, сильно искусанное лицо, в разводах испарившейся на солнце соли тонкого помола, но только сокрушённо всплескивала руками, а дед... Тот помалкивал, сидя на крылечке.

Когда я, наконец, услышал из ведра тихое «ква», на дне колодца уже во всю плескалась луна. Зачерпнув лягушку изорванной мозолями ладонью, я крепко прижал её к себе и понёс домой. Пока мы шли, она не пыталась вырваться, но лишь старалась подобрать под себя ослабшие лапки, чтобы те не трепыхались безвольно на ходу.

Не знаю почему, но у бабушки с дедом никогда не было петуха, поэтому обыкновенно мы были избавлены от надрывных криков по утрам. С появлением лягушки, нас будило лакомое, на все лады, бульканье.

– Надо же, удивлялась бабуля, – кто бы мог подумать, что лягушка так интересно поёт. А я-то думала, что она, кроме как квакать, не умеет больше ничего.

Я разместил бедняжку на широком краю деревянной бочки, так ей было сподручнее ловить насекомых, что слетались на водопой. Каждый раз, когда я подходил, чтобы зачерпнуть воды, лягушка сидела смирно, свесив одну ногу с края и не сводя с меня глаз, а если подходил с полным ведром, она тут же подбирала лапку под себя, стараясь не холодить её раньше срока, и нежно, одобрительно, чуть ли не по-кошачьи, урчала.

Однажды вечером, засыпая под вечернюю песню лягушки, я услышал, как дед тихо сказал бабуле:

– Ишь, голосистая какая. – Помолчав немного, он добавил, – Хороший парень растёт.

Впрочем, быть может, мне это только показалось? Я не был уверен.

Кто-то красив из-за того, что его любят. Иной делается

таковым, лишь когда любит сам. Конечно, я обожал бабушку, но дед... Его я, несомненно, любил, как самую главную загадку в своей жизни, которую никак не мог разгадать.

Сердце

Кот поймал бабочку... и отпустил.

Перед тем он долго наблюдал за нею, нервно и бесшумно отбивая ритм кончиком хвоста. Отмечая лёгким кивком места, которые выбирала та для недолгого отдыха, запоминал их, чтобы знать, – где искать, в том небывалом случае, если вырвется она из его объятий ненароком.

Бабочка была некрупной, в аккуратной коричневой юбочке и кружевном фартучке подходящей кремовой расцветки. Пушистые её, смущённые щёчки отдалённо напоминали шкурку пыльного зрелого персика. А усики... Ну, что ж! Когда это они портили юных барышень? В зрелые лета, и то, пушок над верхней губой порождает, подчас, томление в груди у умудрённых жизнью повес.

Залетев в дом случайной гостьей, бабочка старалась быть как можно менее заметной, и перелетала с одной стены на другую, лишь только когда все ложились спать. Вместо того, чтобы требовать для себя особого угощения, довольствовалась сладкими каплями на столе, не замеченными хозяйкой или кошачьей едой, которая всегда лежала в миске. Конечно, это мало походило на густой цветочный нектар, но бабочке казалось неприличным требовать к столу то, чем могла уто-

лить голод она одна.

Кот был непривередлив, но предпочитал сам лакомиться из чужой посуды, оставляя свою только для себя. В один из дней, заметив исчезновение части своего обеда, он решил не ложиться спать, чтобы застать похитителя и воздать тому по заслугам. Несмотря на то, что родители кота признавали лучшей порой для охоты ночь, он давно отвык от этого порядка и, в засаде неподалёку от миски, едва сдерживался, чтобы не уснуть. Но сон-таки его сморил.

Ближе к полуночи луна, из любопытства, заглянула в окошко, и что же увидела она?! Вздыхая коротко и кротко, неподалёку от спящего кота кушала бабочка. Рассерженная, неведомо по какой причине, луна призвала на помощь ветер, тот, из одолжения, постучал в окошко, и кот открыл глаза...

Бабочка в ужасе перелетала с места на место. Она была лишней здесь, взаперти, и знала про это. Запахи трав и цветов манили её через затянутые марлей окна, но где взять столько сил, чтобы вырваться?.. Недолго думая, от отчаяния, бабочка вспорхнула из-под потолка и опустилась на пол, как можно ближе к коту. Ей было страшно, очень. Она попыталась зажмуриться, но не смогла.

Когда кот, сделав строгие глаза, одним прыжком преодолел малое расстояние меж собой и бабочкой, да занёс над

нею лапу, то, неожиданно для самого себя, мягко, почти что нежно накрыл её мохнатой ладошкой, а, ощутив биение отчаявшейся души, убрал осторожно, чтобы ненароком не зацепить. Не раздумывая долго, кот запрыгнул на подоконник и одним движением вспорол марлю, что, пропуская лишь немного цвета, отделяла жизнь от звуков.

Ночь запахла плотнее свой халат и бабочка услышала густой запах мокрой от росы травы, исходивший от неё. Страхась разувериться, она подлетела к окну, где ветер уже во всю играл лоскутами марли и с довольным видом умывался кот. Проход был открыт.

– А вы... вы не пойдёте со мной, – спросила бабочка у кота.

Тот усмехнулся и ответил:

– Я везде свободен, а ты – лети. – Этот кот был фамильярен со всеми.

Бабочка оправила юбку, и присела к нему поближе. Кот смущённо муркнул, накрыл её ладонью на мгновение, и тут же отпустил.

Говорят, у бабочек нет сердца, только тонкая, с головы до пят трубочка. Ну, что же, у многих нет и того.

Красивая пара

Я встретил его поутру, когда шёл купаться.

– Ты куда? – спросил я его. Он что-то пробурчал себе под нос и посторонился, давая мне пройти.

Пожав плечами я пошёл дальше, рассудив, что не должен допытываться о причинах столь странного поведения, ибо у каждого бывает повод не делиться своими мыслями ни с кем. Впрочем, я немного кривил душой, и был, всё же, слегка обижен. Обыкновенно, при встрече он был весьма дружелюбен со мной. Часто шутил, необидно подтрунивал над соседями и не выказывал недовольства, если оказывался объектом шалостей сам. А нынче... Хмурый, исподлобья взгляд, очевидное нежелание поддержать беседу...

Купание в прохладной воде отчасти развеяло моё недоумение. И, хотя не было слышно приятного уху гудения шмелей, которые закатывались мохнатыми шариками в лунки цветов, шершни, чей полёт принуждал нервно озираться, запаздывали, и от того не было необходимости прятать голову в воду.

Когда я возвращался домой, увидел его опять. Мой знакомец стоял недалеко от того места, где мы повстречались поутру. Он брёл неуверенной походкой, как бы запинаясь, наполовину прикрыв веки, а, завидев меня, загодя отошёл в

кусты, выказывая полное нежелание отвечать на любые вопросы. Пожав плечами, и почти рассердившись, я ушёл. Но на следующий день...

Он шумно шутил, заигрывая с соседкой, та краснела невпопад, а при моём появлении и вовсе скрылась, нырнув под самый большой лист кувшинки.

Я не мог не спросить лягушонка, что, собственно, это было, вчера. И он, виновато переминаясь, рассказал о том, что в тот день родня выгнала его прочь из пруда, настаивая на том, что ему пора жениться, хотя прекрасно знала, что он влюблён в ту особу, что стреляла теперь в него глазками из-под листа.

– Ты ж сам видишь, она ещё слишком молода, придётся ждать ещё целый год. Да и родители просят внуков поскорее...

– Но ты же вернулся!

Лягушонок промолчал.

– Поссорился с родными?

– Угу...

– Не расстраивайся, время пролетит быстро, и вы всё успеете, – и порадовать родню, и поругаться двадцать раз.

– А помириться? – испуганно спросил лягушонок, и я немедленно успокоил его, погладив по голове.

– Да, конечно же! Всё у вас будет, не торопись.

Прислушиваясь к нашему разговору, милая лягушечка с

нежной белоснежной шейкой, что выглядывала из-под яркого изумрудного сарафана, будто воротник сорочки, выбралась на берег и села рядом с лягушонком. Они и впрямь были очень красивой парой, что дало мне повод возмутиться:

– Эх, да как же ты мог... – начал было я, но бабочка, что неслучайно пролетала мимо, хлопнула меня по затылку легонько, предлагая прежде хорошенько подумать о своих проступках, нежели рассуждать о чужих.

День

Отражаясь в волнах листьев смородины, мелко дрожит омытый речной водой рассвет. Прошлый день канул, капнув прохладной слезой росы на землю. И, разбуженное им семя потянулось до треска во всех членах. Не открывая зелёных глаз, ощупало бледным пальчиком корешка округ себя: «Что там?», и только убедившись, что есть куда ступить, делает первый шаг.

Так – в душе.

Воображение мешает осознавать реальность, но пособляет познавать её, находить неведомое, ведёт в такие дебри, из которых нет выхода, подчас, ибо он никогда не нужен, если идёшь к верной тебе стороне.

Оса дразнит лягушку, пролетая близко мимо носа, взмывает на недоступную ей высоту, вынуждая ту на крайние меры. Раскачав упругий лист кувшинки, как батуд, лягушка взлетает и, добавив себе росту ровно на длину языка, салит² обидчицу. Свалившись в воду вместе с нею, не задумывается ни о красоте движений, ни о том, что может стать поводом чьего-то веселия или сторонней немилости. Она взяла свою

² Ударять рукой или мячом убегающего игрока (в некоторых играх).

высотину³, а прочими не озабочена никак.

Виктории⁴ обрастают обстоятельствами намного позже их самих. Додумываются причастием непрichастных, и многими сочувствующими, которые называют именно себя причиною чужого успеха. Ветшают победы и победители, в неустанном поиске новых умственных точек принадлежащих никому небес... А безучастные остаются на месте, как опустевший вдруг муравейник, в который только ступи, рассыпается в прах.

Утекающая водой жизнь, взбивает в пену обретаемую с годами осознанность, уловить которую ни неводом, не ладонью, но только взглядом, проводив в никуда.

Трепет крапивы выдаёт чьё-то присутствие, а река мерцает просочившимся сквозь прорехи ветвей закатом, будто горит... белым светом.

³ высота, рубеж

⁴ победа

Ненависть

Ясным белым днём большое пышное облако напоролось на острый край перламутрового месяца, от чего образовалась приличная прореха, которую надо было бы заштопать, но кому это стоило поручить, не понимал никто. Казалось, именно он, виновник неприятности, должен помочь в столь высоком во всех смыслах, деле. Но месяц, по его собственным словам, совершенно не умел шить, и уронил бы иглу из рук сразу, возмись он за это тонкое ремесло.

Вырезанный из большой морской раковины, он был хрупок на вид, но самый его уголок, заусенец створки, оказывался причиной разного рода обид и неудовольствий для окружающих, которых он часто даже не замечал. Ни тех, не других. И вроде бы не от пробелов в воспитании, не от отсутствия внешних очертаний поведения в обществе. Просто-напросто он был чуточку... немного... слегка подследоват. Чётко видимое другими, представлялось ему в отчасти размытом, смазанном образе. Приметными оказывались лишь наиболее выдающиеся линии, а полутона, как бы ни были хороши и харАктерны, таяли втуне⁵ его относительно недомогания, которого, в силу укоренившейся уже привычки, он не умел распознать. Рождённый с этим недостат-

⁵ напрасно

ком, разглядеть не трудился. Очков же не носил по причине невозможности отыскать достойной его оправы, а пенсне, в виду крайней своей неуклюжести, обронил бы в первый же после обретения день, так он говорил.

– Вот, всем хорош, а то, что близорук и неловок, не беда. Извинить и без повода – радость, а тут... – говорили про него.

Только казалось иногда, будто, используя привычку, месяц держится вполоборота, чаще профилем смотрит, и редко – анфас⁶. Рекомендует себя в приятном, извиняющим все пороки, ракурсе⁷. Но почто, часто неспособный глядеть прямо в глаза, без стеснения подсматривает под подол океану, тревожит его по два раза на дню, а уж если заметит в ночи чьи-то, обращённые к себе, обезображенные болью черты лица, – изведёт без сожаления, обнаруживая невозмутимость, да присущее равнодушным натурам высокомерие и холодность.

А, если что, хлестнёт с нарочитой досадой:

– Не я его обижал, он обиделся сам!

И, – летят по небу разорванные в клочья облака, и бьются на неровные осколки сердца. Сами собой.

– Стоит ли он израсходованного на него сочувствия?

– Ну... а как?! Жалеем-то мы из любви к себе, а вот нена-

⁶ Лицом к смотрящему

⁷ ракурс

ВИДИМ...

Не бывает истраченного попусту сострадания, лишь ненависть напрасна одна.

Мимолётное

I

Всё утро, обсуждая что-то, переговариваются друг с другом лягушка и ласточка. Оказалось, что одна понимает по-лягушачьи, а другая поёт, как птица, не запинаясь, с листа. И ведь смогли же о своём договориться: о том, что сперва ласточка гонит на лягушку слепня, после уж – лягушка загоразживает ему дорогу, чтобы птица успела ухватиться за крыло.

И – совсем рядом:

– Та-да-та-да-та-да-та-да! – Отбивая такт хвостом, будто барабанными палочками, трясогузка набивает рот насекомыми. Ловка! Бабочку ухватила так, будто несёт куда на пробу малый белый лоскут, крылья свисают по обе стороны клюва.

Из леса, в довольно истрёпанном виде, прилетела синица, села в сторонке, в самую середину лукошка сосновой ветки, и глядит. Тут же шершень, – шасть мимо, алчет испить водицы. Синица без сил, проводила взглядом только, вздохнула, да так и осталась, приоткрывши рот. Трясогузка, что хотела было за щёку и шершня, глянула на синицу и насыпала ей букашек на дно лукошка, – сторожи, мол, а сама на перехват. Отловила хищника, употребила, и вернулась. Подобрал из корзинки понемножку одного – другого, полови-

ну, по-братски, оставила синичке. Поправляйся, мол, – мы, птицы, должны помогать друг другу. И ушла, тихо качнув душистую сосновую дверь.

II

Не знаю, как у кого, а я, где бы ни шёл, чувствую подошвой изломанные о леденец вечности, молочные зубки мостовой Красной площади. Они местами шершавые, частью скользкие, бывает, что вынуждают замедлить шаг, но никогда не мешаются за зря и не ставят подножку. Они точно знают – каков ты на самом деле. Когда иду не один, меня просят перейти на тротуар, чтобы почти в обнимку с пряником ГУМа, но я упрям, и, ощупывая шагами площадь, бормочу извечное «У каждого свои конфеты». И никак иначе.

Нагулявшись, прихожу домой, а кот «порадовал», промахнулся мимо туалета. Сержусь молча, убираю шумно. Сел в кресло отдышаться, кот – ко мне, – мур, мол, прости, не нарочно, так получилось, а я-то, дурень, морду от него ворочу, строю из себя обиженного. Корячился эдаким манером до вечера и лёг спать один. Но уже в полусне, слышу, – кот подошёл тихонько к подушке, погладил нежно по волосам, вздохнул и ушёл...

Все могут договориться промеж собою, а вот люди друг с другом – ну, никак...

Cetonia aurata

8

и другие

Жук летел из недалеко, выпростав крылья прямо так, не утруждая ножны надкрыльев, молодецки облетал отросшие за первый месяц лета ветки. Те были заметно тоньше и податливее прошлогодних, а, если задевали, то небожно, да и то лишь от того, что навязывались в попутчики. Но кто их отпустит-то?! Сидеть им по всю жизнь на привязи у стволов...

Год появления жука на свет был слишком холодным, поэтому он покинул личинку мальчиком. Приятный, открытый малый, с молодых ногтей дружил с муравьями, и даже подолгу гостил у них дома, играя с ребяташками. И конечно, как все мальчишки, любил шалить. Пугал людей, пролетая у них над ухом, грозно голося, а, в порыве показной нежности, преподносил дамам букеты, которые не пропадали, даже если он оказывался отвергнут, ибо, «как и все честные», был вегетарианцем. Задумчиво пережёвывая ненужный очередной де-ве цветок он летел на поиски другой, более отзывчивой особы и беззаботно мечтал.

Вот именно за этим занятием застала его однажды соро-

⁸ Древнегреческое название золотистой бронзовки, означающее “золотистый металлический жук”

ка, и тут же кинулась в погоню. Надо заметить, что жук обладал одной удивительной чертой, которая, украсив его облик, сильно усложняла жизнь. На самом деле бронзовик был совершенно чёрен, но, в силу того, что портной, у которого одевался и он, и вся его родня, был тот ещё затейник, вместо строгого неприметного чёрного, им приходилось надевать металлически-зелёный, синий, а то и медно-красноватый костюм⁹. Так, добро бы – порвал да бросил, но этой одежде не было сносу. Потому-то сорока, как последний ценитель всего красивого и блестящего, при виде пролетающего мимо бронзовика впадала в иступлённое состояние, и не успокаивалась, пока он не оказывался у неё за щекой.

Но на этот раз сороке не повезло. Жук в панике искал, куда спрятаться, и, пролетев насквозь виноградник, оказался прямо у дома человека. Взметавшись, жук понял, что попался, но человек, сообразив, в чём дело, широко распахнул окно ему навстречу. Сорока же благоразумно поостереглась следовать за ним.

Переведя дух и осмотревшись, бронзовик понял, куда попал и решил, что, как бы там ни было, а стоит выбираться отсюда поскорее. Он примерно представлял себе расположение комнат, так как обыкновенно грелся на одном из под-

⁹ микроструктуры покровов преломляют и разлагают свет, создавая игру лучей, и жук кажется металлически-зеленым, синим и даже медно-красноватым; так называемая структурная (оптическая) пигментация

оконников, но летать в доме постеснялся и пошёл в нужном ему направлении пешком.

– Эй, малый! – окликнул его человек, тот самый, мимо уха которого часто с грозным гудением пролетал жук, – ты это зря. На полу мы тебя раздавим на раз. Давай-ка я тебе помогу. – Человек посадил бронзовика на ладонь и, опасливо погладив по сияющей спинке, шутливо спросил, – ну, так, куда изволите?

Собственно говоря, жук и сам не знал, куда ему, и человек распорядился его судьбой по своему усмотрению:

– У меня в саду растёт чудесный куст калины. Я заметил, что не у всех барышень, что живут на нём есть пара. Думаю, какая-нибудь из них придётся тебе по душе.

Как только бронзовик оказался на поляне одного из соцветий куста калины, в кругу милых девиц, то совершенно забыл о недавнем приключении, чуть не стоившем ему жизни, и принялся ухаживать за всеми сразу, не в силах сделать верного выбора. За исключением сей простительной вольности, он и вправду был хорошим парнем.

Жук летел из недалеко. Заприметив знакомое окно, он привычным движением отодвинул занавеску, залетел вовнутрь и осмотрелся. Разглядев человека, опустился на подставленную ладонь, и, благодарно ухватившись за папил-

лярную¹⁰ линию большого пальца, с чувством пошевелил ею, как смог.

Глядя на эту трогательную возню, человек улыбнулся, погладил жука по спинке и понёс к окошку, где, подтрунивая друг над другом, уже поджидали два совершенно одинаковых шафера – шмеля. Для удобства различать кто из них кто, близнецы были наряжены в разноцветные штанишки.

...Выбивая из неглубоких карманов реки лёгкие брызги жемчуга, где-то там, наверху, гроза пересыпает их в большую коробку, чтобы потом, когда-нибудь после, поближе к зиме, вернуть с первым снегом обратно.

– Жаль, что бронзовик этого не увидит.

– А его малыш, обёрнутый в чистую пелёнку, в то же время будет крепко спать, прижав к груди плюшевого муравья.

¹⁰ Папиллярные линии (от лат. papilla – сосок) – рельефные линии на ладонных и подошвенных поверхностях

По воле ветра...

Гроза позабыла зонтик или оставила его нарочно. В разводах белого мрамора и пятнах черничного варенья, что пролила туча, он полностью закрыл небо от звёзд. Их не могло быть заметно дню, и то, что ничего не было видно им самим, не заботило никого.

А посмотреть было на что. По воле ветра, кроны деревьев лились помалу, омывая тёплые ладони воздуха. Редкие листья янтарными плавкими каплями падали на землю. Один за другим таяли и увядали плоды, седели травы и секлись прямо от корней. Сердца рвались наружу из ладных птичьих тел и, взбивая изнутри оперение, роняли душные, с душком¹¹ опахала, теряли силы. Горячий воздух мешался с холодом рассудка, но спасительная тень была не так близка. Два шага – это всегда чересчур.

Уж, нацеливаясь пообедать рыбой, почти присох к берегу, и, задремав от усердия, сглотнул муравья. «Кисленький», – подумал уж. «Темновато», – в тон ему откликнулся муравей.

Порхают белые измятые бабочки, кружат, как разорванная надвое записка, что сброшена с балкона небес. И её

¹¹ засохшая ороговелая ткань пера

непрерывно стоит сложить вместе, чтобы понять, – что же там, от кого. Без этого не постичь смысла. «Смысла чего?» – спросите вы, а я отвечу, – да какая разница?! Каков бы он ни был, его нам всё равно не застать¹².

¹² постигать

Ослиное ухо

13

Он проходил это место не впервые, и каждый раз выхватывал боковым зрением нечто, что не вписывалось в прежний облик редколесья. Конечно, с памятью у него уже было не очень, да и зрение тоже подводило в последнее время, но по опыту он знал, – сомнения без повода не тревожат, и наверняка стоит остановиться и присмотреться, дабы понять, что к чему. Вот и теперь, понадеявшись на то, что там, куда он спешит, его обождут, замер посреди поляны, и некоторое время не двигался, чтобы урезонить дыхание. В лесу может напугать даже собственное, а вот, чтобы расслышать постороннее, следовало сперва справиться с одышкой.

Как только он перестал быть помехой лесу в собственных глазах, тот тоже ослабил хватку безмолвия, и понемногу начал выпускать из кулака тех, кого так берёт.

Первым на разведку вылетел комар. В попытке разузнать, кто есть кто, стал морочить голову, кружась и напевая на ухо человеку последние сплетни. Когда же от него отмахнулись без досады, присел на руку, ткнулся хоботком, но не уколол, ощутив запах ручья, что питал все колодцы в округе. Один

¹³ (Отидея ослиная) (*Otidea onotica*)

глоток или случайное омовение не обманули бы его, – он сидел на руке человека, кровь которого была настоена на воде родного родника.

– Свой! – неожиданно громко воскликнул комар и слетел на траву.

Лес, не медля, разжал влажную ладонь и, потирая глаза, оттуда выпрыгнула вспотевшая белка, следом сбежала взъерошенная мышь и, припадая на хвост, выпорхнула трясогузка. Косули, оправляя жакеты, что щекотались промеж лопаток извечным размерным ярлычком, поджидали, пока, неуклюже пятясь, сползёт нескладный лосёнок, – так, спиной вперёд, обыкновенно спускаются с печи старички. Последним с ладони леса сошёл кабан, да и то, его пришлось расталкивать всем миром, ибо он дремал, при каждом удобном случае.

Итак, вроде бы всё было на своих необыкновенных местах. Обсматривая друг друга и округу для верности, все сошлись на том, что единственное, чего не было заметно доселе, – эдакое невиданное нечто, неведомо когда подкравшееся и расположившееся у всех на виду, прямо в самом центре поляны.

Потрепав человека за штанину, кабан хмыкнул и пробасил:

– Ну, что ж, по всему судя, оно твоё.

Человек присел на корточки и, пригибая голову набок, как собака, принялся рассматривать. По виду «это» напоминало сваренные макароны, по форме – скорее ракушки:

– Не, не моё. – Замотал он головой, – Я такие не ем. Да, если бы и ел, откуда бы им взяться, на этом-то месте?

– Да ты попробуй на вкус! – подначил его кабан.

– Не стану, и не уговаривай, – отказался человек, поднимаясь на ноги.

– Ну, тогда я! Я и мухоморами не брезгаю... – предложил кабан и потянулся, чтобы откусить.

– Ты обожди, осторожнее, – попросил его человек, – не надо много-то. На всякий случай...

Кабан согласно икнул, и, откусив небольшой кусочек, принялся жевать. Жевал долго, с чувством. Собравшиеся, затаив дыхание, следили за ним.

Через некоторое время кабан-таки чавкнув, проглотил жвачку, и сообщил, пожав плечами:

– Не знаю даже, что и сказать.

– Что?! Что!?! – вопросы посыпались со всех сторон:

– Горько?

– Кисло?

– Сладко?

– Да, никак! – возразил кабан и хихикнул.

– И не пахнет ничем, – сообщил лосёнок. Он чуть ли не втянул в просторную ноздрю «эту странную штуку», силясь уловить её запах.

– А, да, оно как резиновое, – добавил кабан, недолго подумав.

– Та-ак... – зловеще протянула его супруга. – И откуда мы знаем про резину?! Где ты опять шлялся?.. – грозно продолжила она, но её прервала трясогузка:

– Я, я знаю, что это такое.

Собравшиеся разом обернулись на её слова. Отсидевшая хвост трясогузка, заметно хромя, подошла ближе, ещё раз пригляделась, и, кивнув головой, произнесла:

– Точно, я его узнала, это оно.

– Ну, так и что это, в конце-то концов, – за всех поторопил птицу человек.

– Ослиное ухо, – почесав за своим, сказала трясогузка, – Обыкновенное ослиное ухо.

Все принялись смеяться над шуткой, но трясогузка, возмущённо остановила воцарившееся некстати веселье:

– Вы это зря. Я вовсе не шучу!!!

Человек краем воротника утёр слезящиеся от смеха глаза, и, сочувственно глядя на птицу, спросил:

– Ну, что вы, право, откуда у нас тут ослы?!

Трясогузка, покачав с сожалением аккуратной головкой, вздохнула и произнесла размеренным тоном, которым объясняют что-то неразумным младенцам:

– Это – гриб. И называется он – ослиное ухо.

Лес, молчавший по всё время разговора, зашевелился, зашумел:

– А я- то думаю, обратят ли они внимание или нет, а, как заметят, – разберут ли, что это такое. Ну, молодцы, потешили старика. – И, прилично чихнув, добавил, – Он издалека, знакомьтесь, теперь будет жить с нами. Дружелюбен, скромн, неприхотлив, хороший семьянин...

Лес, перечисляя, загибал волосатые пальцы, шуршал вдогонку что-то ещё, но человеку пора было спешить, а прочие тоже торопливо расходились, каждый по своим делам. Никто не был против нового соседа, но каждому хотелось быть вот также вот представленным, и чтобы одно лишь хорошее, вслух.

...Одним днём

Очень часто, рассуждая о необходимости жить одним днём, имеют в виду потребности тела, забыв о голоде души.

...Я впервые видел его таким. Обыкновенно он полулежал на скользких атласных простынях, и, не заботясь о впечатлении по себе, тут же ел и принимал просителей...

– Помилуй! Каких просителей! Это ж лягушонок!

– Ну и что? Зато, приглядишься, ты видел его когда-либо в такой позе? Я – нет.

В самом деле, вместо того, чтобы слиться с листом кувшинки в одно зелёное пятно, лягушонок сидел, как щенок, предьявив миру белоснежную сорочку, приличной ширины грудь и тонкие розовые губы. Он смотрел не прямо перед собой, а куда-то вдаль, и, скорее мечтал, чем служил по-собачьи.

Да и чем, собственно, он бы мог услужить? Ну... обращаясь на мой визг, ловил жёстких, совершенно невкусных ему ос, набивал пузо комарами, которые иначе не давали бы мне проходу, ну, – простил, забыл! – о раздавленной мною лапе и неустанно убеждал в этом, по-прежнему без страха усаживаясь подле ног. Терпел громкие ни о чём разговоры

и шевеление моих тёплых пальцев у себя между глаз. Он был беспредельно доверчив, и этим доверял мне себя и свою жизнь.

– Это ли не услуга?!

– Так и в чём она, я не понимаю.

– Позволить мне быть, чувствовать себя таким.

– Каким?! Ты, вообще, о чём?

– Тем, на кого можно положиться, который честен, искренен и ни за что не подведёт.

– Ты хотя бы помнишь, что это лягушка?

– А разве это что-то меняет?

При этих словах лягушонок принял привычную для себя позу и, по-обыкновению, прилёг, прижавшись подбородком к листу кувшинки. Он был доволен... сегодняшним днём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.